

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-112-126

УДК 101.1

ФИЛОСОФИЯ ИЛИ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: АНАЛИЗ ИНВЕРСИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич,

доктор философских наук,

доцент кафедры педагогики и психологии

Новосибирского государственного медицинского университета,

Россия, 630091, г. Новосибирск, Красный проспект, 52

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Аннотация

В статье рассматриваются перспективы дальнейшего развития философского знания. Указывается, что в толковании ряда авторов философия в настоящее время фактически превращается в историю философии, становясь сугубо исторической дисциплиной. Философская мысль при этом сводится к анализу и систематизации созданного прежде, а не к свободному поиску и созиданию, направленному в будущее.

К такой идее в большой мере подталкивает сложившаяся ныне ситуация постмодерна, в которой всякая мысль не возникает сама собой, а непременно базируется на ранее высказанных мыслях. Философия имеет дело в основном не с действительной, а с ранее описанной и интерпретированной реальностью. Современным философам поэтому почти невозможно творить на девственной почве. К тому же количество философских знаний достигло такого объема, что удержать их в индивидуальной человеческой памяти практически уже невозможно. Значительная часть философских исследований в настоящее время на самом деле направлена на изучение истории философии, собственных же мыслей такие работы порой совершенно не содержат. Данная ситуация рассматривается как системная инверсия в философии: служебный, подчиненный элемент системы приобретает в ней главенствующее значение; однако его служебная сущность от этого никак не меняется.

Конечно, роль истории философии в самой этой дисциплине невозможно оспаривать. Философия представляет собой род кумулятивного знания, в котором прошлое неотделимо от настоящего и будущего. Однако нельзя отождествлять историю философии с самой философией, потому что данный подход закрывает для философской мысли всякий путь, ведущий в будущее. Дальнейшее же развитие философской мысли при таком подходе фактически отрицается. Однако еще Аристотель указывал на

то, что даже и полное отрицание философии подразумевает использование философской аргументации, а следовательно, вольно или невольно заставляет принять существование философской дисциплины.

Важнейший момент заключается в том, что философия – дисциплина, представляющая интерес не только для самих философов. Философия не есть «игрушка для философов», она составляет познавательный инструментарий, востребованный во всех других областях человеческого знания. А поскольку наука и практика в целом продолжают развиваться, философия останется востребованной именно как живая, развивающаяся дисциплина, а не как застывшая коллекция накопленных мыслей.

Ключевые слова: философия, история философии, постмодерн, иерархия, системная инверсия.

Библиографическое описание для цитирования:

Севостьянов Д.А. Философия или история философии: анализ инверсивных отношений // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 15, № 2, ч. 1. – С. 112–126. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-112-126.

Введение

В современных философских публикациях нередко встречается мнение, что в наше время философская наука фактически уже тождественна истории философии. Под этим подразумевается, что всё значимое в философских изысканиях уже произошло, и едва ли следует ожидать чего-то еще. Такая мысль видимым образом подтверждается определенными тенденциями в современной философии. Так, значительная часть диссертационных исследований по философским специальностям издавна посвящается именно разработке историко-философской проблематики, а весьма обширное обращение к «истории вопроса» составляет неотъемлемую часть вообще любой подобной работы. Предмет истории философии приобрел такой масштаб, что в известной мере затмевает или уже затмил собою собственно предмет философии. Эта ситуация порождает ряд вопросов о будущем философии в целом.

Можно ли принять положение, что прежде философия была тем полем, на котором произрастало что-то новое и представляющее общий интерес, а отныне, напротив, ничто новое там произрасти уже не сможет, и единственное, что предстоит делать философам, – это изучать историю философии, ибо вся мировая мудрость уже произнесена и ничего нового более произнесено не будет? Если ситуация действительно такова, то это, как минимум, заслуживает серьезнейшего философского анализа. Следует ли понимать данный философский переход из будущего в прошлое если и не концом человеческой истории, то предвестием этого конца? Устремившись в прошлое, что мы будем делать в будущем, которое (хотим мы этого или нет) всё равно настанет? Наконец,

сама упомянутая необходимость философского анализа этого перехода не составляет ли прямое опровержение той мысли, что отныне философия есть только лишь история философии и ничто более? Ведь анализ столь глобального явления – если признать его реальность – сам по себе есть достаточно серьезное философское исследование. Такое исследование предполагает дискуссию, в которую так или иначе окажется вовлечено много людей, и дискуссия эта отнюдь не затронет собственно ретроспективный взгляд на философию, а будет направлена на ее сегодняшнее состояние и обозримое будущее.

Мнения и факты

Обратимся непосредственно к мнению тех авторов, которые указывают на рассматриваемую тенденцию. Начинать при этом приходится из довольно-таки далеких времен. «Обилие великих умов, порожденных цивилизацией, особенно в XVIII веке, наводит на мысль, что все поприща мысли уже исчерпаны и что в дальнейшем не приходится ожидать не только великих открытий, но и открытий средней руки», – писал Шарль Фурье еще в 1808 году [19, с. 34]. И хотя он тут же и опровергает это утверждение, следует признать, что сама констатация его говорит о многом. И вот уже в недавнем прошлом появилось немало произведений, в которых проводится та же мысль. Основательный труд под говорящим названием «Философия как история философии» оставил Т.И. Ойзерман [13]. Ту же мысль приводил А.В. Гулыга: «Я полагаю, что философия достигла своего предела. Не в том смысле, что ей нечего сегодня сказать, что она потеряла свое значение. Нет, ее значение велико, и состоит оно в овладении наследством. Философия существует сегодня только как история философии. Философия – любовь к мудрости, сама мудрость, если хотите, а мудрость уже высказана, наша задача состоит в том, чтобы усвоить ее, истолковать, распространить, осуществить. Старая мудрость сегодня обретает новую жизнь» [6, с. 11, 12]. Представление о том, что история философии не просто неотделима от самой философии, но фактически тождественна уже самой философии, проникло и в учебную литературу и утвердилось в ней; появилось, например, учебное издание В.В. Соколова под тем же названием – «Философия как история философии» [17].

Ситуация складывается, с одной стороны, весьма показательная, с другой – почти анекдотическая. Можно вспомнить аналогичную историю, которая, как говорят, имела место в физике. Согласно легенде, один из основоположников квантовой теории Макс Планк в молодости пришел к 70-летнему профессору Филиппу Жолли и сказал ему, что решил заниматься теоретической физикой. «Молодой человек, – сказал маститый ученый, – зачем вы хотите испортить себе жизнь, ведь теоретическая физика

уже в основном закончена... Стоит ли браться за такое бесперспективное дело?!» [18].

Конечно, философия немислима в отрыве от ее собственной истории. Еще Аристотель в собрании сочинении, известном ныне как «Метафизика», анализируя первоначала сущего, прежде всего обращается к тому, что писали об этом предмете его предшественники [2, с. 70–73], в последующем сделав это традицией. Однако если в период Античности автор, составляющий свои труды в основном из отрывков чужих произведений либо из ссылок на них, заслуженно получал упреки от современников, то в современной философской литературе такой подход стал едва ли не всеобщим правилом.

В культуре постмодерна созидание нового культурного контента в основном происходит не в результате контакта с физической, социальной или психологической реальностью, а в порядке реализации аллюзий к созданному ранее прежнему культурному контенту. В частности, философам (и не только современным) уже очень давно не приходится творить, что называется, на девственной почве.

Исторические культурные накопления приобрели такой масштаб, что произошел закономерный количественно-качественный переход. Всякий вновь создаваемый культурный контент *volens nolens* претерпевает сравнение с ранее созданными образцами, более того – обычно рассматривается как вторичный по отношению к этим образцам и уже не может фигурировать в отрыве от них. Не избежала этой тенденции и философия; более того, именно здесь такая тенденция обозначилась, по-видимому, в наиболее зримой форме. При этом накопленные знания по философии в целом и по любой философской дисциплине в отдельности приобрели масштаб, совершенно непосильный для любой индивидуальной человеческой памяти.

Мысль и ее история

Относительно отношения собственно философии и истории философии существуют разные мнения. Так, В.П. Визгин в статье под примечательным названием «История философии как препятствие для философии» пишет: «Историк и философ как идеальные типы исследователя не только глубоко различны, но даже, можно сказать, несовместимы друг с другом. У них совершенно разные задачи и различные подходы к их решению. Они работают в режиме альтернативы: или вы действуете как историк, имея дело с архивом уже остановленной, отмысленной мысли, реконструируя ее как мысль-вещь, или развиваете свою мыслящую здесь-и-сейчас мысль, о философском статусе и значении которой вам наперед ничего неизвестно. Об этом должны сказать будущие историки философии» [4].

Действительно, во всякой области научного знания может быть выделена информация, обладающая актуальностью именно в настоящее время, а также информация, представляющая теперь лишь исторический интерес. Приведем аналогию. Научная дисциплина «История медицины» содержит немало интереснейшей информации о том, кто, когда и какими способами лечил людей прежде, и человек, профессионально занимающийся изучением данной дисциплины, несомненно, может помочь своими познаниями современному специалисту-медику, если тот проводит научное исследование и должен отразить в своем труде, что называется, историю вопроса. Он даже способен подсказать решение какой-либо клинической проблемы, если такое решение может быть осуществлено с опорой на давно накопленный опыт. Но всё-таки к кому мы обратимся в случае болезни: к историку медицины (при всей ценности его знаний) или к практикующему врачу?

Изучение истории философии действительно необходимо каждому, кто собирается *стать* философом. Точно так же изучение истории медицины есть необходимая часть образования будущего врача, а история техники требуется для формирования будущего инженера. Но эта насущная необходимость не делает ни того ни другого непременно профессиональным историком изучаемой им науки.

Позволим себе прибегнуть еще к одной аналогии, сравнив в этом отношении философа с поэтом. В этом отношении весьма примечательно мнение В.В. Маяковского, изложенное в произведении «Как делать стихи?»: «С поэзией прошлого ругаться не приходится – это нам учебный материал» [12, с. 665]. И далее следует весьма примечательный текст: «Еще раз очень решительно оговариваюсь, – пишет В.В. Маяковский, – я не даю никаких *правил* для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила. В сотый раз привожу мой надоевший пример-аналогию. Математик – это человек, который создает, дополняет, развивает математические правила, человек, который вносит новое в математическое знание. Человек, впервые формулировавший, что «два и два четыре», – великий математик, если даже он получил эту истину из складывания двух окурков с двумя окурками. Все дальнейшие люди, хотя бы они складывали неизмеримо бóльшие вещи, например, паровоз с паровозом, – все эти люди – не математики. Это утверждение отнюдь не умаляет труда человека, складывающего паровозы. Его работа в дни транспортной разрухи может быть в сотни раз ценнее голой арифметической истины. Но не надо отчетность по ремонту паровозов посылать в математическое общество и требовать, чтоб она рассматривалась наряду с геометрией Лобачевского» [12, с. 666]. Но точно

так же, очевидно, и философом является тот, кто создает некоторую новую мысль. Тот, кто посвятил свою жизнь изучению высказанных ранее мыслей, пусть чрезвычайно древних и невероятно мудрых, такой человек – не философ (хотя, быть может, он весьма почтенный историк философии).

Конечно, философия обладает собственной спецификой, которая теснее связывает ее с собственной историей, чем любую другую область знания. А.В. Дьяков, представивший исторический обзор истории философии на примере развития французской философской мысли, отмечает: «Сегодняшний кризис истории философии – не освобождение от традиции, как могло казаться полвека назад, и не частная проблема одной из областей гуманитарного знания; проблема эта носит общеполитический характер, и пока у нас не будет достойной истории философии, не придется рассчитывать на оживление философии в целом» [7, с. 227].

А. Александрова видит специфику истории философии не только в том, что она затрагивает более глубинные исторические пласты человеческой мысли, но в том, что она развивает способность чтения и понимания философских текстов [1, с. 244]. С точки зрения этого автора, «постоянно возобновляемое продумывание философских текстов есть тот дополнительный живой акт, возрождающий собственно философствование, благодаря которому история философии предстает как специально сконструированный аппарат для поддержания мысли и подключения к ней», и уже в силу этого философия не может быть завершена в своем развитии [1, с. 247].

Наконец, обратимся к мнению американского философа, представителя аналитической философии Ричарда Рорти. В своей известной работе «Историография философии: четыре жанра» Рорти выделяет следующие жанры в истории философии. Во-первых, это рациональная реконструкция (при которой современный исследователь пытается понять некоторую историческую фигуру или ситуацию); во-вторых, это историческая реконструкция (попытка описывать исторические сюжеты адекватными им историческими способами); в-третьих, это история духа (осмысление постановки существенных вопросов в истории мысли); наконец, в-четвертых, это доксография (изложение мнений и воззрений разных философов в стиле, который принят в учебниках по философии). Кроме того, Рорти указывает и на возможность пятого подхода, при котором исследуется уже не мнение того или иного философа по какому-либо вопросу, а состояние знания в определенный исторический период, то, что может быть названо общей интеллектуальной атмосферой эпохи [11, с. 85, 86; 14]. Всё это вместе взятое, безусловно, составляет фундамент ныне существующего философского знания, но отнюдь не подменяет его собой.

Применение исторического философского материала к современности может приобретать разные черты. И.Н. Круглова приводит такое их деление: «В российских историко-философских исследованиях довольно распространены две методологические установки: так называемые презентизм и антикваризм. Если первая стремится представить идеи прошлых эпох как вариации современных философских тем, не занимаясь, так сказать, проблемами адаптации как минимум двух совершенно разных дискурсов, то вторая пытается делать акцент на реконструкции особенностей исторических нюансов в осмыслении той или иной проблемы» [8, с. 77]. Далее она указывает: «В философии XX в. (как, впрочем, и во всей культуре XX в.) существует довольно стойкая тенденция к современной “озвучке” классических философских проблем, стремящаяся как раз перенести и сохранить исторический стиль “звучания”, потому что в этой разнице “звучаний” проявляется новый текст – недоговоренный самим автором, оставшийся в тени у своих современников» [8, с. 78].

С.П. Лебедев и Ю.М. Романенко также обращают внимание на двуединую природу философского знания [9, с. 22]. С одной стороны, философское знание есть составная часть некоторого определенного историко-культурного контекста, который можно наблюдать в конкретное время и в конкретном же месте. Контекст этот, в свою очередь, формируется под влиянием множества преходящих факторов – культурных, экономических, политических. Играют несомненную роль особенности языка, на котором изъяснялся и писал исследуемый мыслитель, его индивидуально-психологические характеристики и многое другое. Однако мысль, рожденная в этих конкретных условиях, будет существовать и влиять на других людей уже в совершенно другом «слое» реальности, чем тот, в котором она была создана. Появление мысли есть самостоятельное, в каком-то смысле самодостаточное событие. И к конкретно-историческим условиям она отныне становится несводимой. Именно поэтому мысли, появившиеся в древности, в иные времена и в иных условиях, продолжают быть актуальными для нас и будут актуальными впредь. Философская мысль исторична по факту своего возникновения, но внеисторична по факту своего влияния. Так, например, мы до сих пор пользуемся аристотелевским понятийным аппаратом, и прошедшие с той поры века и тысячелетия, наполненные всевозможными событиями, не составляют для этого никакой помехи.

Таким образом, философская фабула из далекого прошлого вызывает актуальный ныне эффект путем столкновения двух ситуаций, одна из которых (в когда-то бывшем историческом контексте) была изложена в философском сочинении прошлого, а в другой ныне пребывает современный мыслитель. Отсюда и возникает возможность появления «выво-

дного» знания, в чем и проявляется прогрессивное движение и развитие философской мысли. «История философии, – писал Гегель, – показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития; во-вторых, что особые принципы, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь ответвления одного и того же целого. Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их; поэтому оно, если только оно является философским учением, есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное» [5, с. 99].

Как считал Т.И. Ойзерман, философия стремится объединить то, что науки разделяют, изолируют друг от друга. Философия, указывал этот автор, не участвует в прогрессирующем научном расчленении общей картины мира как предмета исследования, но она учитывает позитивные научные результаты этого процесса [13, с. 15]. Однако история философии, напротив, разделяется на отдельные эпохи, направления, школы и проч., и вследствие этого историк философии по мере накопления и систематизации исторических данных всё менее знает «всю» ее историю, вольно или невольно ограничиваясь пределами «своего» периода.

А.А. Львов приводит мнение чикагского исследователя Л. Коэна, который сравнивает историю философии и историю науки. Наука всегда «забывает» свою историю, ей нет необходимости возвращаться к прежним парадигмам и переосмысливать их. Философия же, по мнению этого автора, по преимуществу дисциплина историческая в том смысле, что незнание истории мысли означает непонимание того, почему те или иные вопросы имеют право быть заданными и требуют ответа на них. «Другими словами, философия – это дисциплина, в которой важно не упустить из виду временное, историческое развитие (но не в гегелевском диалектическом смысле!) вопросов, которые нас захватывают. С философами прошлого можно и нужно спорить – в этом смысле мы не занимаемся историей философии, но творим актуальную философию с помощью, в диалоге с персонажами из прошлого. ...Хорошая философия никогда не производится в вакууме» [11, с. 90].

Подводя итог, мы можем обозначить роль истории философии применительно к самой философии: эта роль, безусловно, важнейшая, но при этом обеспечивающая и служебная. Отождествлять философию с историей философии – всё равно что отрицать всякую философию в будущем. Это уже было высказано в истории философской мысли, причем довольно давно. Еще Аристотель в своем «Протрептике» заметил, что «если кто-то утверждает, что философии нет, он пользуется доказательствами,

посредством которых отказывает философии в существовании, а если он пользуется доказательствами, то очевидно, что он рассуждает философски: ведь он пользуется аргументами, с помощью которых доказывает, что она не существует» [3, с. 22, 23]. Даже теперь, обсуждая возможность дальнейшего развития философии, мы философствуем и тем самым *de facto* такую возможность уже признаем.

Системная инверсия в философии

Рассматривая идею о подлинном или мнимом поглощении философии историей философии, фактически мы наблюдаем картину, которая применительно к философскому знанию может быть обозначена как системная инверсия. Системная инверсия представляет собой форму отношений в иерархии, при которой некоторый низший, подчиненный, служебный элемент приобретает в данной системе главенствующее значение, формально оставаясь при этом на своей прежней (невысокой) иерархической позиции. Возникает системная инверсия в том случае, когда действие одного организационного принципа в иерархической системе противоречит действию другого. В рассматриваемом нами случае, согласно одному организационному принципу, история философского знания в качественном отношении является служебной, обеспечивающей, предрасполагающей по отношению к собственно философской мысли, но в количественном плане (согласно другому организационному принципу) она ее уже затмевает.

Для современной философской мысли, как говорилось ранее, мысль уже высказанная становится фундаментом, исходным материалом, отправной точкой; следовательно, в этом и заключена иерархически подчиненная, служебная роль истории философии. Нам нет дела до того, насколько она в этом отношении значима. В конце концов, когда появились первые философы, осознающие и называющие себя таковыми, у них не было за плечами такой истории человеческой мысли, которая имеется у нас, но это обстоятельство не послужило для них препятствием. У них, конечно, позади был свой собственный культурный пласт, составленный из обиходных представлений, из языка, культуры, эпоса и мифа, суеверий и предрассудков, а также устной мудрости; вот только философов, на труды которых стоило бы сослаться, как это делаем мы, в те времена, по-видимому, еще не было. Что же из того? Прошлое и для них, и для нас есть фундамент для строительства будущего. Так было и так есть; и было бы удивительно, если бы в грядущем стало иначе. Если же философия рассматривается лишь как история философии, то элементы в системе формально меняются местами: не будущее строится на прошлом, а будущее приходится посвящать лишь тому, чтобы переосмысливать великое прошлое. Право же,

прошлое, сколь угодно великое, этого не стоит: развившаяся инверсия разрушает систему, лишает ее возможности для дальнейшего развития.

Разумеется, автор оригинального философского исследования должен быть основательным знатоком истории философии (по крайней мере, применительно к «своей» теме); в противном случае сама оригинальность его исследования оказывается под вопросом. Однако сводить философские исследования к исследованиям историко-философским, по меньшей мере, неправильно. Философия не должна замыкаться в себе, не должна быть «игрушкой для философов», интересной лишь для них самих; но в такую «игрушку» она непременно превратится, если останется направленной лишь в прошлое, а не в будущее.

Анализ инверсивных отношений и будущее философии

В качестве частного, но показательного примера того, что философские исследования не могут (и не должны) ограничиваться одной только историко-философской тематикой, можно привести упомянутый выше анализ инверсивных отношений в иерархических системах. Конечно, этот анализ имел свою предысторию, но отнюдь не сводится к ней. Выявленные автором этой статьи при исследовании человеческой моторики системные инверсии (в нынешнем их понимании) были верифицированы как общая форма внутрисистемных отношений, присущая всем сложным иерархиям (основанным на нескольких организационных принципах одновременно). Подобные иерархии широко представлены и в системе «человек», и в системе «общество», и (как показано выше) в системе «знание».

Разумеется, трактовка системных инверсий не была целиком «выдуманна из головы»; помимо практических оснований, она имела, в частности, исторические предпосылки в трудах основателя структурной антропологии Клода Леви-Строса [10]. Однако у Леви-Строса системная инверсия как явление только распознана, но специально не изучалась. Из трудов этого автора инверсия, как понятие, была взята исключительно в виде «пустой формы», содержательное наполнение которой пришлось формировать уже самостоятельно. Упоминается инверсия как системное явление и у математика Томаса Саати [15], но фактически лишь мимоходом; всё это оставляло обширный, ничем не занятый простор для исследовательской работы. В результате же был получен когнитивный конструкт, ставший основой для нового направления в научной методологии – анализа инверсивных отношений. Как можно заметить, в данном случае историко-философские источники выполняют свою изначальную, закономерную роль базы, фундамента, но не подменяют собой цель и результат исследования.

Заключение

Итак, представляется, что хоронить философию как сферу активной умственной деятельности преждевременно; если ей и суждено прекратиться, обратившись лишь в собственную историю, то это произойдет не раньше, чем исчезнут мыслящие люди (а в таком случае и история философии поневоле утратила бы всякую значимость). Философия жива, и приведенный здесь пример разработки нового философского направления (анализа инверсивных отношений) это подтверждает. Разумеется, по отношению к философии в целом это лишь частный случай, который, однако, дает основания для оптимизма. Философия, основываясь на источниках прошлого, не должна ограничиваться только их анализом и интерпретацией; в противном случае – в который раз уже! – нам предстоит столкнуться с очередным «концом истории», при том что реальная история человеческой мысли, конечно, и не думает заканчиваться.

Литература

1. *Александрова А.* История философии как дело мысли // *Філософія освіти.* – 2006. – № 2 (4). – С. 242–254.
2. *Аристотель.* Метафизика // *Собрание сочинений:* в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
3. *Аристотель.* Протрептик; О чувственном восприятии; О памяти / пер. Е.В. Алымовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 183 с.
4. *Визгин В.П.* Парадоксальность соотношения философии и ее истории. – URL: <https://iphras.ru/page15363752.htm> (дата обращения: 16.05.2023).
5. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
6. *Гулыга А.* Русская идея и ее творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 488 с.
7. *Дьяков А.В.* История философии как философия: французский опыт // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* – 2019. – Т. 35, № 1. – С. 222–229.
8. *Круглова И.Н.* История философии как философия, или Деррида, читающий Платона // *Вестник Томского государственного университета.* – 2020. – № 451. – С. 77–82.
9. *Лебедев С.П., Романенко Ю.М.* История философии: история или философия? // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* – 2015. – № 4. – С. 21–29.
10. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / пер. с фр. А. Островского. – М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 1999. – 392 с.
11. *Львов А.А.* Историк философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология.* – 2017. – № 4. – С. 84–94.

12. *Маяковский В.В.* Как делать стихи? // *Маяковский В.В.* Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 2. – С. 664–697.
13. *Ойзерман Т.И.* Философия как история философии. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
14. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // *Рассел Б.* История западной философии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1994. – Т. 2. – С. 305–330.
15. *Саати Т.* Принятие решений: метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – 278 с.
16. *Севостьянов Д.А.* Противоречие и инверсия. – Новосибирск: Золотой колос, 2015. – 245 с.
17. *Соколов В.В.* Философия как история философии. – М.: Академический проект, 2010. – 843 с.
18. *Физики шутят: сборник переводов / под общ. ред. В. Турчина.* – М.: Мир, 1966. – URL: <http://t-z-n.ru/archives/fizshyt.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).
19. *Фурье Ш.* Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1. Теория четырех движений и всеобщих судеб: проспект и анонс открытия. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 312 с.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022.

Статья прошла рецензирование 28.06.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-112-126

PHILOSOPHY OR THE HISTORY OF PHILOSOPHY: AN ANALYSIS OF INVERSIVE RELATIONS

Sevostyanov, Dmitry,*Dr of Sc. (Philosophy),**Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology**Novosibirsk State Medical University,**52 Krasny Prospekt, Novosibirsk, 630091, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Abstract

The article examines the current situation related to the prospects for further development of philosophical knowledge. It is pointed out that in the interpretation of a number of authors, philosophy is now actually reduced to the history of philosophy, turning into a purely historical discipline. Philosophical thought boils down to the analysis and systematization of what was created before, but not to the free search and creation directed to the future.

The current situation has been created due to the practice in which every thought does not arise by itself, but is necessarily based on previously expressed thoughts. Philosophy deals mainly not with the actual, but with the previously described and interpreted reality. Therefore, it is almost impossible for modern philosophers to create on virgin soil. In addition, the amount of philosophical knowledge has reached such a volume that it is almost impossible to keep it within individual human memory. A significant part of philosophical research at present is actually aimed at studying the history of philosophy, while such works sometimes do not contain their own thoughts at all. This situation is considered in philosophy as a systemic inversion: the service, subordinate element of the system acquires a dominant meaning in it.

Of course, the role of the history of philosophy in this discipline itself cannot be disputed. Philosophy is a kind of cumulative knowledge in which the past is inseparable from the present and the future. However, it is impossible to identify the history of philosophy with philosophy itself, because this approach closes any path leading to the future for philosophical thought. It is implied that philosophers from now on should be engaged exclusively in rethinking what was created earlier. The further development of philosophical thought with this approach is actually denied. However, Aristotle pointed out that even the complete denial of philosophy implies the use of philosophical argumentation, and therefore, willingly or unwittingly forces one to accept the existence of a philosophical discipline.

The most important point is that philosophy is a discipline of interest not only for philosophers themselves. Philosophy is not a 'toy for philosophers', it is a cognitive tool that is in demand in all other areas of human knowledge. And since science and practice as a whole continue to develop, philosophy will

remain in demand precisely as a living, developing discipline, and not as a frozen collection of accumulated thoughts.

Keywords: philosophy, history of philosophy, postmodernity, hierarchy, systemic inversion.

Bibliographic description for citation:

Sevostyanov D. Philosophy or the History of Philosophy: An Analysis of Inversive Relations. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 1, pp. 112–126. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-112-126.

References

1. Aleksandrova A. *Istoriya filosofii kak delo mysli* [The history of philosophy as a matter of thought]. *Filosofiya osviti = Philosophy of Education*, 2006, no. 2 (4), pp. 242–254.
2. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Aristotle. *Sochineniya* [Tractates]. In 4 vol. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 550 p.
3. Aristotle. *Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati* [A Protreptician. About sensory perception. About memory]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2004. 183 p. (In Russian).
4. Vizgin V.P. *Paradoksal'nost' sootnosbeniya filosofii i ee istorii* [Paradoxical correlation of philosophy and its history]. Available at: <https://iphras.ru/page15363752.htm> (accessed 16.05.2023).
5. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 452 p. (In Russian).
6. Gulyga A. *Russkaya ideya i ee tvortsy* [The Russian idea and its creators]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 488 p.
7. Dyakov A.V. *Istoriya filosofii kak filosofiya: frantsuzskii opyt* [The experience of the historian of philosophy: on the non-philosophical origins of the philosophical practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of Saint Petersburg State University. Philosophy and conflict Studies*, 2019, vol. 35, no. 1, pp. 222–229.
8. Kruglova I.N. *Istoriya filosofii kak filosofiya, ili Derrida, chitayushchii Platona* [History of philosophy as philosophy, or Derrida, reading Plato]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 451, pp. 77–82.
9. Lebedev S.P., Romanenko Yu.M. *Istoriya filosofii: istoriya ili filosofiya?* [History of philosophy: history or philosophy?]. *Vestnik Russkoi khristsianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2015, no. 4, pp. 21–29.
10. Levi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 1999. 392 p. (In Russian).
11. L'vov A.A. *Istoriki filosofii v poiske osnovanii svoei distsipliny: status istorii filosofii i istoriko-filosofskaya rabota* [How Historians of Philosophy Substantiate Their Discipline: the Status of History of Philosophy and Historical and Philosophical Research]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya*.

Politologiya. Kul'turologiya = Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural Studies, 2017, no. 4, pp. 84–94.

12. Mayakovsky V.V. Kak delat' stikhi? [How to make poems?]. Mayakovsky V.V. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1988, pp. 664–697.

13. Oizerman T.I. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as the history of philosophy]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999. 448 p.

14. Rorty R. The historiography of philosophy: four genres. Russel B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western Philosophy]. Vol. 2. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1994, pp. 305–330. (In Russian).

15. Saaty T. *Prinyatie reshenii: metod analiza ierarkhii* [Decision-making. Method of hierarchy analysis]. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 1993. 278 p. (In Russian).

16. Sevost'yanov D.A. *Protivorechie i inversiya* [Contradiction and inversion]. Novosibirsk, Zolotoi kolos Publ., 2015. 245 p.

17. Sokolov V.V. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as a history of philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010. 843 p.

18. Turchin V.F., ed. *Fiziki shutyat* [Physicists are joking]. Moscow, Mir Publ., 1966. Available at: <http://t-z-n.ru/archives/fizshyt.pdf> (accessed 16.05.2023).

19. Fourier Sh. *Izbrannye sochineniya*. V 2 t. T. 1. *Teoriya chetyrekh dvizhenii i vseobshchikh sudeb: prospekt i anons otkrytiya* [Selected works. In 2 vols. Vol. 1. The theory of four movements and universal destinies]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1938. 312 p. (In Russian).

The article was received on 08.06.2022.

The article was reviewed on 28.06.2022.